

Вячеслав Медушевский

Недоработки шестидесятничества
(на примере одного эксперимента)¹

Методологическая преамбула

В названии темы сопряжены два плана, две бесконечности, которые связывает наш ум, — око души, совмещающее в себе свойства телескопа для вселенной и свойства квантового микроскопа для микромира. Но единое око души — не два разных прибора. Вся соль — именно в сопряженности всепроникающих планов.

Первый план — философско-исторический, на масштабном-временном уровне тысячелетий и десятилетий, он отражен в заглавии «Недоработки шестидесятничества». Второй план, на уровне секунд (звуков и цезур) исполнительского искусства, отражен в подзаголовке «По материалам одного эксперимента».

Оба плана едины. Промысел, сопрягающий Творение и последний его смысл Царствия Божия, реализуется в микросекундах жизни души, в энергиях красоты, спрятанной в музыке и ее исполнении, и так транспонируется в дух жизни народа. Нельзя оба плана отрывать друг от друга!

Общая идея философско-исторического анализа шестидесятничества: если были недоработки, обернувшиеся всемирным позором — развалом могучей державы, — то, во-первых, в чем они? Во-вторых, как доработать недоработанное, когда нам вновь приоткрылась историческая возможность возрождения России и победы над зверями Апокалипсиса (о которых мы знаем из книги Откровения)?

Недоработки состояли в разобщенности духовной жизни общества. Отдельно «физики», отдельно «лирики», а вне поля зрения — множество святых старцев и стариц, которые невидимым образом молитвенно держали на себе высокий строй жизни. Христос в 1830 году открыл Серафиму Саровскому условие спасения человечества: доброе согласие храмовой и

¹ Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. Том 37: по материалам IX Международного научного форума «Диалог искусств и арт-парадигм» «SCIENCEFORUM PAN-ART IX» 22 февраля 2022 года. Редакторы-составители А.И.Демченко, Н.А.Хренов. — Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В.Собинова, 2022. — 368 с.

внехрамовой сфер жизни и культуры. Это ключ и ориентир. Но понимать согласие сфер нужно не формально, не физикалистски. Людям воцерковленным не стоит сбиваться в кучки со своим дресс-кодом, ни зарываться, хотя бы мысленно, в землянки изоляции, — напротив, нужно мыслить государственно, с большой любовью к народу. Православие всемирно. А в душах государственных мужей не должно быть духовной пустоты. В конечном счете, ведь именно безбожие, а точнее богоненавистничество (и не что иное, хотя было и вредительство Запада) похоронило Советский Союз. Нельзя ничего строить в отсутствии созидательного духа жизни, который нисходит с Неба.

А микроанализ... Я анализирую грандиозный «эксперимент по проверке ладовых тяготений», который провели мы с Е.В.Назайкинским и математиком А.М.Степановым. Ныне открылась возможность совершенно новой его интерпретации! Соответственно эксперименту следовало бы дать и новое название: «Богословие цезуры». Или: «Цезуры преображенного бытия». Или, если смотреть совсем вглубь, рассматривая процессы музыки и жизни на квантовом уровне, то можно было бы назвать так: «Экспериментальное исследование вероятия чаемого будущего в музыкальном исполнении».

Что такое вероятие? Это слово до XVIII века предшествовало «вероятности». Вероятность (степень возможности) — при физикалистском взгляде со стороны. Вероятие, или приятие верой, реальное вкушение от века желанного будущего и спрятанной в нем вечности (всеохватной творящей силы жизни) — при взгляде изнутри. Оно не для машин. Оно для душ человеческих. Понятие вероятия, как мы увидим, концептуальным образом сопрягает гениальность и святость, искусство и аскетику, сверхточный, методически тщательно продуманный эксперимент с выводами в сфере того, что я называю Фундаментальной педагогикой человечества, сопрягает вообще все на свете, вплоть до квантовой механики и смысла истории человечества.

Вероятность и вероятие отличаются еще более фундаментальным образом — ориентацией во времени. Вероятность — смотрит детерминистски: из прошлого к

настоящему, от причины к следствию. Скука и томление духа! Слепота на будущее — фактор краха и смерти. Кто сделает стул слепым образом, следуя теории вероятности в случайном прилаживании дощечек? Так не строят даже и бобры свои гидротехнические сооружения. А люди-то, люди! Вознамерились строить ведь даже и не стул, не запруды в реке, а социализм. «Свобода — познанная необходимость». Дьявольская ложь зомбировала людей. А ведь существовала уже квантовая механика, в которой ничего не понял первый руководитель государства. Квантовая физика показала, что в основании даже и материи лежит возможность. Суперпозиция — сингулярная слитость, одновременное присутствие «да» и «нет». Каждый выбирает свое «да» и свое «нет». «Да» — доверие Небу, Царствию Божию — выбор, а никакая не необходимость. Бесам и бесолюбивым оно противно, и те прыгают во тьму. Но нет никакой необходимости и в существовании ада. Ад (айдос, то есть безвидность) вовсе не обязаны выбирать люди. Можно сказать, таким образом, что самой глубокой причиной краха СССР было духовное невежество и упорство тьмы, заключенной в богоненавистнической идеологии. Но невежество вовсе не является законом мироздания, и никак не связывает свободу. Оно — всего лишь дурной выбор. Святые отцы утверждали: невежество есть плод одержимости страстью неведения. Дьявольская страсть губит все, а сила света творит чудеса. Выберем свет! Не нужны нам призывания снизу, соответственно и творение адской тьмы.

Вероятие же лучшего ориентировано во времени адекватным идее мироздания творческим образом: все лучшее принимается свободой в настоящее из наилучшего будущего и заключенного в нем Царствия Божия в высшей, неизреченной красоте восхищенного духа. В том суть гениальности исполнителя-чудотворца и восхищаемых его игрой слушателей. «Последняя цель музыки — служение славе Божией и освежение духа, без чего пред нами не музыка, а шум и дьявольская болтовня». Эта максима сверхгения человечества, Баха, — стремится к распространению на все области Фундаментальной педагогики человечества. Прежде всего — на законы, которые мы принимаем. А еще прежде, — на науку-

искусство направленчества и управленчества. Апостол Павел справедливо причислял дар управления (кибернетический дар — так это звучит по гречески, родственные слова — губернатор, гувернер) к высшим дарам Святого Духа. Не прожить нам без идеала святости!

Проведенный в 1967 году эксперимент позволяет увидеть все сказанное (о свободной саморегуляции настоящего будущим) наглядно, как на ладони: то, что мы хотим услышать в следующем такте или разделе, или даже в коде произведения, — уже содержится в настоящем (если исполнитель его ярко слышит как цель впереди, онтологически, а не мечтательно, пред-вкушая ее здесь и сейчас). И это — первое чудо, возбуждающее дух слушателей. А второе, следом идущее чудо — радость сбывания! Прибытие из метафизики в реальность того, чего не было, но стало. То, чему я посвятил ранее статью о небесной природе эмфазы — являемого, являющегося в являюзем, удерживая это дотолем невидимое являемое, а теперь чудом явленное, в благодарном сознании. Благодарение — важнейшая строительная энергия жизни!

Квантовая философия на основе синергии земли и Неба (ибо бытие есть общение и богообщение) призвана пронизать собой социологию, психологию, историю, все гуманитарные науки. Где ныне мысль Христа о фундаментальной неоднородности истории как поля, на котором до жатвы одновременно произрастают пшеница Божия и плевелы дьявольские? Выброшена из сознания. Сияющая мысль легко выражается на языке квантовой механики: история предстает тогда перед нами как суперпозиция генерального «да» и генерального «нет» Богу и Его Царствию. Те, кого Христос назвал пшеницей, выбирают «да». Плевелы — те, кто вслед за дьяволом выбирают «нет».

То же в социологии. Где идея Августина о двух невидимых градах в одном видимом теле общества? Где его мысль, что народ будет тем лучше, чем в большем числе людей возобладает склонность к лучшему. Без различения двух градов социология слепа — вследствие упорства тьмы и выбора злого «нет» свету. Меж тем духовный анализ фактов социологии необходим сейчас, как никогда. Возьмем патологическое явление патриотизма наоборот — ненависти о отечестве, к стране и

народу ее. Недовольные всем, индукторы негативных энергий, гонят по обществу волну раздражительности, злобы, обид, зависти, сами чувствуя себя героями, мудрыми и восстающими на несправедливость. Источник же недовольства — пребывающий в пороках дьявол. дьявольское Меж тем как нормальная реакция на недостатки в обществе — творческий поиск решений. Недостает ума — хоть улыбнуться-то можно? Написано: «уклонись от зла и сотвори благо». Он нас зло не должно исходить никогда.

Тьма царит в психологии, толкая людей в бесплодности психизмов или в оккультизм, и во всех гуманитарных науках вплоть до музыковедения.

Остро необходима человечеству Теория всего на свете. Она существует, но не видна из-за расщепленности сознания людей, что на греческий язык переводится как шизофрения. Шизофрению человечества можно лечить. Но не таблетками, а святостью и гениальностью увлекая народы к Царствию.

Трудно при столь абстрактном сжатом предварительном изложении схватить суть сказанного. Эту суть мы увидим как на ладони при погружении в конкретику, чему и посвящена статья.

О шестидесятничестве

Шестидесятники замечательны. Шестидесятничество, захватившее и 70-80-е годы, — чудо русской цивилизации XX века.

А недоработки присутствуют в любой славной эпохе. По-другому быть не может, как не может быть масонского варианта претворения истории в Царствие Небесное. Человек не в силах сотворить мироздание. Царствие же — последняя цель творения, которая не может быть достигнута без участия человека. Однако претворить время в вечность, и современников разных эпох сделать со-вечниками может только Творец. Этот момент не учёл начальник русского космизма Н.Ф.Федоров, всколыхнувший своей философией общего дела («воскрешения отцов») Вл. Соловьева, Ф.Достоевского, Л. Толстого, К. Циолковского и многих иных. Если мы действительно хотим теоретически и практически в родственном согласии участвовать в становлении того, что я называю Фундаментальной педагогикой человечества, то лишь при

условии синергии. Это слово идет от апостола Павла, назвавшего христиан «синергами» — соработниками Богу. Соработниками в последней цели бытия — открытии Царствия Божия. Без нас, без склонения нашей воли, Царствие Божие невозможно, потому что оно — не время или место. Оно — состояние готовых к нему душ. Царствие Божие внутри вас есть, — говорит Христос. Да, стрела времени летит от Творения в Царствие, и никакие непотребства или злодеяния не остановят ее. Однако свобода человека (возможность быть тем, кем он хочет быть) неотменима. И многие прыгают со стрелы в пропасть.

Итак, недоработки времен становятся видны только свыше. Если в истории есть шкала градаций, простирающаяся от позора до славы, то есть и абсолютная высота, как истинная точка отсчета всего, без которой не было бы и градаций.

Почему славное начало было обречено на бесславный конец в 90-е годы? Что мы не доработали? В Китае трудится множество институтов Перестройки — настолько важной представляется эта научная и практическая проблема. Не помогут, однако, и миллионы институтов при негодной методологии. Материя, служебная и управляемая сторона сущего, подчинена детерминизму. Чайник обиделся и не захотел кипеть, сколько бы энергии к нему ни подводили? Такого быть не может, или возможно только как чудо (вспомним нечто сходное — трех отроков в печи, раскаленной клетке, на глазах Навуходоносора и народа невредимо воспевавших славу Богу вместе с кем-то четвертым).

А душа человека отлична от чайника. Она соткана из свободы, влечется к будущему. Туда, откуда в течение всей истории приходили, приходят и будут приходить призывы вдохновения. Туда, где последние смыслы бытия и сладостные цели, где великий простор, восторг, красота, радость, любовь и «мир, превысивший всякого ума». А еще то, о чем практически не говорят. «Отец делает, и Я делаю», — говорит Христос. Может ли Бог потерять свою творческую силу? А мы — по образу Божию. Если бытие есть общение, то как же общение может быть не-творчеством? Нирвана — для червяков. Творение любви и красоты может быть только актуальным, а не в воспоминаниях или в трансе. Именно так творит Свою жизнь

Бог: Отец — рождая любовью Сына, Сын — рождаясь от Отца любовью же, Святой Дух — исходя от Отца и свидетельствуя об истине бесконечной любви и красоты. Нетварная Церковь дает основание тварной. По мысли св. Порфирия Кавсокаливита, Божественная любовь Троицы и нас, тварных, делает как бы нетварными — действием Духа усыновления и обожения.

Если же нет главного, что приходит от будущего с начинкой вечного, от синергии Промысла с волей человеческой, — то исторически неизбежна для людей, пожелавших быть чайниками, жесткая система социального рейтинга. Вспоминаются остережения апокалипсиса: первый зверь, заморский, нес в себе разнузданность непотребств. Ближайший его конец описан в подробнейшей картине («Пал, пал Вавилон...»), вплоть до финансовых потрясений («восплакали купцы земные, потому что товаров их никто не покупает» — значит, товары-то есть). Второй, континентальный, зверь («из земли») — страшнее. Именно при нем антихрист будет налагать на людей штрих-коды, «без которых нельзя будет ничего ни продавать, ни покупать». Но будет еще нечто, что устрасит антихриста. И дано твердое обетование: «врата ада» не одолеют Церковь.

Итак, две силы действуют в мироздании. Детерминизм причин-следствий, от прошлого к будущему, — для материи. И мотивированность целями и смыслами из будущего, приносимого в настоящее, — для духа. «Свобода — познанная необходимость». Каким жутким поклепом на сущее травили наше сознание! Необходимость и свобода, исходя из разных концов мироздания, никак не соприкасаются, проходя друг сквозь друга как волны света. Мы не шестеренки в часовом механизме!

Для чего, по свидетельству квантовой механики, в фундамент духовно-материальной организации положены не кирпичики материи, а возможности? Возможности чего? А чего хотим — вплоть до неслыханных чудес. Квантовая физика говорит о суперпозиции — одновременном «да» и «нет». Чему? Великому смыслу бытия. Лучшее будущее исходит из Царствия Божия, как бесконечного резервуара вечной новизны, неумирающей красоты, творящей любви, светлейшей всеобъемлющей радости. Из бесконечной новизны истекает

свобода! Семь нот диатоники в народной музыке, в музыке Баха, Моцарта, Прокофьева — вот она, зримая неисчерпаемость красоты и беспредельности творческого начала. Ради нашей души, дщери свободы, созданы и основания квантовой механики: суперпозиция противоположностей, а не шестеренки механизма. Будущее — поле сотрудничества Бога и человека.

Если так, то что же это тогда за мифическая «историческая необходимость», которой зомбировали людей в советское время! Царствие Божие — никакая не необходимость, а благой выбор, предложенный свыше. Да — великолепию бытия!

Но и в существовании ада — тоже нет никакой необходимости, Выбор зла в вечном отказе от любви Божией сам в себе содержит мучение. Что обрели страны, пошедши по пути предательства своего призвания, своей родной цивилизации, своей, как теперь говорят, идентичности? Обрели страдания и угрозы самому существованию народов.

Неправ и либерализм. Христос открыл древним идеологам либерализма причину их упрямства в неприятии свободы в истине и любви: «ваш отец дьявол». Если люди выбирают отцом и строителем своих душ дьявола, за побрякушки мечтаний отдавая ему свою свободу, тот получает право мучить их своим безобразием. Дурной отец распоясался ныне, потому что того хотят люди. И то ли еще будет?

В логике светоносных смыслов (а не детерминистских чайников и не темных выборов) и нужно описывать шестидесятничество. Оно вознеслось силой сверхзарплатного, сверхкорыстного, сверхкарьеристского энтузиазма. Энтузиазм, по истолкованию этимологов, — буквально вбоженность, по-русски вдохновение. О, сколько здесь было неожиданного от просветов Неба! Бешеный генсек, конечно, существовал, размахивал кулаками, стучал башмаком по трибуне ООН, но существовал как бы в иной реальности, совершенно неинтересной для творцов науки, искусства, техники.

В чем же недоработки? Тоска по всеобъемлющему смыслу, жажда небывалых синтезов, достигаемых наитиями свыше, не получила выхода из-за разобщенности. Детские дискуссии «физиков» и «лириков» зачем-то членили общее движение подъема. Физики не захотели замечать не только лириков. Не заметили смысла даже собственной своей области, квантовой

механики, как подсказки возможностей! Для чего эта открытость призывам смысла в самой глубине? А лирики... Чудная, небывалая интонационность пролилась через массовые песни А.Пахмутовой и осветила улыбкой бытие. Но никто из светских шестидесятников не заметил третьей, главной силы общего подъема культуры и жизни. «Не стоит село без праведника». Небывалое число святых старцев и стариц было даровано России. Были чудеса. Одно только противостояние великого чудотворца, святого Амфилохия Почаевского, безумному генсеку Хрущеву чего стоит. Амфилохия отправили в психиатрическую больницу, но Почаевскую лавру закрыть не удалось, а Хрущев был снят со всех своих постов в день Покрова Божией Матери.

Об этой стороне нашей жизни мы и не догадывались. В личном плане шестидесятники, стремясь к высшему, двигались в направлении к вере. После 1000-летия Крещения Руси на стенах Московской консерватории стали появляться объявления об отпевании ушедших профессоров. А мы и не догадывались, что невидимо зрело в глубинах их душ. Пасхальным чином, с возгласами «Христос воскрес!» и к полному изумлению набившихся в храм студентов был отпет Ю.Н. Холопов! О логике восхождения научного творчества Е.В.Назайкинского я написал две статьи. Линия восхождения просматривается с очевидностью. Последовательно, в течение всей своей творческой жизни ЕВ с системных позиций анализировал все виды опыта, которые отпечатывались в реалиях музыкальной формы. Опыт движения, речевой опыт (ЕВ системно опрокинул на музыку все достижения лингвистики). Заметным этапом был опыт культуры... А сама-то культура, чем поднималась? До духовного опыта ЕВ не успел даже и наметить путь. Но показательно: в последние дни принял православие. Священник, исповедовавший его, свидетельствовал на отпевании, что он отошел в мир иной, как настоящий, глубокий христианин. Все отходили по-своему. В.Гафт пришел к православию через честность и правду в своем актерском творчестве. Поразительно! С Таней Чередниченко, написавшей много марксистских эззерсисов, мы много спорили. Но как-то, при случайной встрече в приемной проректора, она сказала, словно

продолжая какой-то разговор в своей душе: «ВВ, мы же умные люди. Ну, куда еще можно нам идти, кроме православия»?

Главная недоработка шестидесятничества: не было создано единого, объединяющего порыва. Эта метафизическая цель никуда не пропала. Она перешла в качестве главной задачи к следующему этапу восхождения России, который начался по миновении предательских 90-х годов. Этого подвига в глубине сердец ожидает мир. Так бывает. Это общий закон: ничто из светлого, вызывавшего восхищение, не пропадает, но и в бесславии вспоминается, как и сейчас на нашей конференции, и начинает вновь пробуждать желание вдохновенной жизни.

И в музыке этот закон отражен. Недосказанное в экспозиции досказывается далее, а кода — дуновение из вечности. Интересно учиться истории из музыки!

У меня давно была статья о предыктах в музыке, жизни и культуре. Сейчас мы вновь на переломе истории, в эпохе перемен: резко обозначился передел сфер влияния в мире; топкое болото дьявольского либерализма осточертело для многих. Что дальше?

Мы со студентами анализируем четыре предыкта к проведению главной темы в «Интродукции и Рондо-каприччиозо» Сен-Санса. Суть этой концертной пьесы, как и жанра концерта: солист-Моисей стремится пробудить в народе жажду высшего. В последнем предыкте Моисей-солист играет пассаж на доминанте (на небостремительной гармонии!), народ немного наивно и неловко, во всех октавах с буквальной точностью повторяет его пассаж. Наконец — искомое чудо: уже не Моисей, а сам народ-оркестр начал жить вернувшейся главной темой. А Моисей? А он, как и полагается ему, — в пламенении пассажей. Я все время повторяю студентам: мотивы и фразы — слова музыки, а мелизмы (даже простые форшлагги, как в сольном проведении вступительной темы в Первом фортепианном концерте Чайковского), фиоритуры, фигурации, пассажи — это Дух, наполняющий их светом. Реальный Моисей после богообщения закрывал свое лицо, чтобы не слепить народ сиянием, от него исходившим. И куда, в конечном счете, устремляется композиция? Самая глубокая, решительная цезура в этом сочинении — перед кодой. Каденция солиста, паузы под таинственный рокот литавр с замиранием... «Сделалось

безмолвие на небе, как бы на полчаса». Ангельские хоры замолкли в небесах в ожидании небывалого, ибо кончилось время истории, пришло время действовать Богу. Кода — сверкание ослепительных пассажей радости. Так, в сиянии и восторга, открывается Царствие Божие.

Надо нам теперь как-то связать два времени, разделенные эпохой бесславия: того, что было, и того, что видится впереди. Тому, что было, стоит удивиться, но и увидеть нечто за горизонтом: перспективы нового продолжения.

Нужен какой-то конкретизирующий пример. Пусть им будет эксперимент, который мы провели с Е.В.Назайкинским и математиком А.М. Степановым.

Эксперимент 1967 года

Мы ничего не понимали! Хотя жили в атмосфере чуде.

Чудом была даже сама внешняя сторона эксперимента. Кто сейчас позволил бы его провести? Как это — нарушить учебный процесс, бросить на проведение эксперимента всех абитуриентов, студентов всех курсов, аспирантов, преподавателей, профессоров?

Объяснение простое: не было еще дурости заморского либерализма, бухгалтеры и счетоводы не возносились над обществом и не командовали культурой, болонский процесс не терроризировал никого, педагоги не высчитывали свои трудозатраты в ЗЕТах (зачетных единицах трудоемкости), не складывали униженно 0,4, 0,5 и 0,6 часа..

Кто б из шестидесятников поверил, что такая беспримерная глупость и аморализм возможны в принципе? Как можно строить учебный процесс на недоверии, на презумпции виновности, подозревая, что всякий хочет украсть у государства 0,4 часа? Мой руководитель по дипломному классу, заведующий кафедрой С.С. Скребков занимался со мной высшей математикой 5 часов в день, полагая, что мне это остро необходимо для созревания моего ума. И ни в каких ЗЕТах не вычислял затраты усилий, не расписывал их в планах и отчетах. Отчетность не закрывала собой реальность. Отчеты, кстати, писались мгновенно, а не месяцами, занимали страницу, а не

десятки их, творческая же энергия устремлялась на главное дело и призвание педагога. Уровень моего ума был для Сергея Сергеевича несравнимо важнее бумажной дури.²

Не было и приказов, специальных бумажных разрешений на проведение эксперимента. Зачем? Стал бы противиться ему ректор А.В. Свешников? Он был прекрасный музыкант и живой человек, не затюканный бумагами. Интересно же узнать: каким это образом исполнители влияют на слуховые ожидания слушателей? Все! Более ничего не нужно — свобода творческого интереса превыше всего. Титаническая работа (которая для нас на самом деле была восторгом) не входила в планы кафедры теории, ни Акустической лаборатории, в которой я тогда, кажется, еще работал. Тем более математик А.М. Степанов (он закончил и Мерзляковское училище), участвовавший тогда в программной наладке новейшей, на передовом уровне мировой науки БЭСМ-6 (быстродействующей электронно-счетной машины с миллионом операций в секунду) в ФИАН СССР, — не нуждался в каких-то справках и разрешениях. Ему тоже было интересно. Ради интереса не жалко ни времени, ни сил. Мы с Евгением Владимировичем читали толстенный учебник теории вероятностей замечательной Е.С. Вентцель, научились по сложным формулам высчитывать доверительные вероятности при доверительном интервале (это обязательное правило при проведении экспериментов). А когда подключился Степанов с его БЭСМ-6, начался праздник. Мы резвились в выдумывании самых небывалых вопросов. А материал проведенного эксперимента — многие тысячи

² Ради полноты исторической картины расскажу и о ректоре, А.В. Свешникове, — о том, как он принимал вступительный экзамен в аспирантуру по истории КПСС. Этот предмет мы проходили на первом курсе, и, конечно, от жуткой дребедени в памяти почти ничего не осталось. За один день подготовки прочитать кирпич учебника было невозможно, и ректор это понимал. Формально, конечно, экзамен принимали профессионалы-марксисты, но Александр Васильевич взял инициативу в свои руки. Билет мой был о XX съезде. В момент, когда краткие остатки моих знаний приближались к истощению, Александр Васильевич спасительно прервал ответ: «В теории-то все ясно. А как Вы сами-то, лично, понимаете тезис о всестороннем развитии личности»? Для ответа на такой вопрос учебник был не нужен, я облегченно что-то сказал из жизненного опыта. — «Ну, хорошо, а как Вы относитесь к физическому развитию? Вы занимаетесь физкультурой? — Занимаюсь. — По Вам не видно. Но старайтесь». На этой театрально строгой, на деле веселой и шутивно-поощрительной нотке экзамен закончился, я получил требуемую пятерку. В бытность мою педагогом, когда наш дом на Большой Якиманке взорвали (ради расширения Французского посольства), то по одному только слову Свешникова Москва выделила нам удобную квартиру, в которой мы обитаем по сей день, с благодарностью вспоминая о строгом-престрогом (по виду) ректоре. Не сомневаюсь, что он, член партии, был православным человеком. Впрочем, об этом мне рассказал позже и ректор Б.И. Куликов, когда просил меня стать деканом факультета)

единичных данных — послушно и с достоверностью отвечал на них. Так устроено бытие. Нужно только спрашивать. Это завораживало. Мы радовались как дети. Но до самых сокровенных вопросов наш ум еще не созрел.

Об устройении эксперимента. Е.В.Назайкинский называл его экспериментом по проверке ладовых тяготений, я (для себя) — по проверке интонационных устремлений.

Изящнейшую методику придумал Евгений Владимирович, ВН, изумительный мастер в этом деле! Я сочинил 16 мелодических отрывков, заложив в них свои теоретические ожидания. Каждая мелодия имела два варианта продолжения после определенной точки — с движением мелодии вверх и вниз. Оба варианта предлагалось исполнить музыкантам на разных инструментах (был еще вариант подготовленного фортепиано, на котором знаменитый настройщик Г.К. Богино повышал или понижал последний звук перед точкой бифуркации, разделяющий два варианта, например, звук *gis*, намечающий поворот в ля минор, и энгармонически равный ему звук *as* при переходе в до мажор).

Предполагалось, что предслышание исполнителем логики продолжения скажется на исполнении начала и будет воспринято слушателями.

Далее продолжения были отрезаны. Инструкция по проведению эксперимента была записана на магнитную ленту (чтобы исключить внушающее влияние случайностей произнесения), равно как и звучащие укороченные до точки бифуркации примеры.

Перенесёмся теперь в классы. Например: на вступительный экзамен по сольфеджио для абитуриентов-струнников. Это около ста человек. Каждому раздаются листы с отпечатанными номерами отрывков, которые будут звучать. Абитуриенты тут же ставят на них свои фамилии. Запускается из аппаратной звукозаписи пленка с инструкцией и примерами. При прослушивании примера с объявляемым диктором номером мелодии требуется рядом с номером поставить стрелочку вверх или вниз — в зависимости от ожидаемого направления дальнейшего движения мелодии.

По времени эксперимент занимал минут двадцать. Но количество единичных данных (стрелочек) получается большим, а в масштабе всей консерватории и огромным.

Что мы тогда получили? Первая группа вопросов, интересовавших нас, касалась факторов, опираясь на которые, слушатели прогнозируют дальнейшее движение мелодии. Говорить об этом сейчас не хочется. Да, всякий фактор имеет свое влияние, но не порознь. Мне не нравилась теория «выразительных возможностей» музыкальных средств. Я называл ее (для себя) одноэтажной семиотикой. Это все равно, как описывать улыбку в миллиметрах раздвижения уголков рта. Или в микромимике глаз. В жизни я замечал, например, что напряженность нижнего века бывает при неискренности. Но все это очень скучно. Скучна бессмыслица: перечислительность средств и факторов. На самом деле высокие смыслы бесконечной вереницей вытянуты ввысь, и голографически-цельные кванты интонационного поля подтягиваются с ними ввысь тоже.

То, что аспирант-пианист С. Лифшиц добился самого большого различия при интонировании мелодий с разными продолжениями, удивило нас, но как-то в голову не пришло, что исполнительский фактор на самом деле — самый главный и решающий, и превосходит все прочие факторы. Исполнения были красивыми у всех, но Лифшиц играл как мастер: выпукло, артистично, с чувством достоверности высказывания. Запомнилось навсегда! Я до сих пор отчетливо слышу произнесение каждого звука — и мог бы воспроизвести идею интерпретации, хотя и без пианистического мастерства и блеска.

Следующая группа вопросов и ответов — педагогическая. Множество стрелочек открыло нам глаза на уровень развитости слуха музыкантов. Мы сравнивали поступивших и не поступивших в консерваторию, сопоставляли с отметками по специальности и по музыкально-теоретическим предметам. Так же — и на пяти студенческих курсах и у аспирантов. Сравнивали с ответами преподавателей и профессоров по исполнительским специальностям. Весь многотысячный массив данных перетряхивала электронная программа, мгновенно выдавая результат подсчетов по любому вопросу. Общая

картина подтвердила: степень адекватности слуха существует, это факт, и предслышание — важнейшее условие музыкальности, коррелирующее с уровнем подготовки музыканта (например, оно разное у абитуриента и профессора). Слышание учеником интонационных тяготений — хороший прогностический признак успешности его дальнейшего музыкального развития. Кто имеет — тому и прибавится. Естественна и ожидаема также была и связь слышания интонационных тяготений с высокими оценками по специальности.

Забавно было получить ответы на некоторые антропологические вопросы. Да, в целом у мужчин восходящих стрелочек было больше, женщины слышат музыку более элегантно и мягко, небесно. Любопытно: в нашу уходящую либералистическую эпоху бурной маскулинизации женщин и феминизации мужчин — сохранилось бы это различие?

Так мы воспринимали эксперимент в парадигме шестидесятничества. Проведя его, удовлетворив научное любопытство, успокоились. Даже не оформили его в виде статьи — не чуяли в нем потрясающего сокровища и грандиозных прорывов в науке. Вспоминается шуточное определение того времени: наука — это способ удовлетворения любопытства ученых за государственный счет. Но только при условии такой личной заинтересованности ученых рождаются фундаментальные открытия.

Эйнштейн справедливо заметил: факты, которые увидит ученый в материале исследования, всецело определяется теорией, которой он руководствуется. Это о нас. У нас была серая теория. А должна бы быть ослепительной — такой же, как у гениев и сверхгениев человечества. Бах продиктовал ученику определение последней цели музыки: «служение славе Божией и освежение духа». Без того пред нами вместо музыки «шум и дьявольская болтовня». Его определение, которое не могло быть произнесено в годы, когда Хрущев грозился показать по телевидению последнего попа, относится на самом деле ко всей безграничной области Фундаментальной педагогики человечества. Разве не так, к примеру, и в отношении к законотворчеству, законовосприятию, законоприменению?

Сейчас я дал бы проведенному эксперименту другое название: «Богословие цезуры». Цезура — яркая грань между прошлым и будущим, одновременно и разделяющая, и чудно их соединяющая. На всех масштабно-временных уровнях формы от мотива до композиции. Цезуры насыщают музыку энергиями, а лучше сказать, — синергиями красоты. Энергии складываются, рождая могучие синтаксические и композиционные тяготения, захватывающие дух и не позволяющие ни на секунду оторваться от течения музыки.

Этой завораживающей тайне красоты призвана подчинить себя и музыкальная теория, дающая ключ и к основам фундаментальной педагогики.³

О. Павел Флоренский двум своим статьям «О типах возрастания» и «О возрастании типов» предпослал подзаголовок: из области нравственно-математического богословия. И к нашему эксперименту с еще более вескими основаниями можно было бы присовокупить сходное уточнение.

Итак, приступим к новому разделу

Цезуры преображенного бытия

У бытия есть материальный план, и там тоже наблюдаются свои переломы в историческом времени. Монгольский лук, своего рода гиперзвук XII века, позволил монгольской коннице прошивать Евразию с легкостью, с какой нож проходит сквозь масло. Три предмета — древко, тетива и стрела — энергично сопряглись так, что сила лука оставалась в стреле, которая летела далеко, подобно межконтинентальной ракете, и пробивала броню неуклюжих рыцарей. Монголы, водимые законом Великой Яссы, открывшейся Чингисхану, стали грозой народов. Как без Наполеона не было бы чуда русского золотого века, как без Гитлера не было бы дивных лет восстановления и шестидесятничества, так без Чингисхана прозябала бы Русь в вечных междоусобицах, противных вселенской любви, как ее призванию. Когда же на небосклоне взошла, удивив своим появлением и греков, звезда Сергия Радонежского с 70 святыми

³ См. мою статью «Музыкальная форма и фундаментальная педагогика человечества» в электронном издании «Музыка в заметках» (<https://www.musnotes.com/v-v-medushevsky/Fundamental-pedagogy-%D0%BEf-humanity/>)

учениками, тогда сжимавшая Русь внешняя сила стала уже не нужной и начала стремительно снижаться.

Но еще существенней цезуры в духовной сердцевине человеческого бытия.

Сам человек стал своего рода луком, когда открылась ему синергия земного времени и вертикали небесной вечности, простертой над ним. Тогда полетела ввысь стрела великих упований, а с Неба хлынул поток подхватывающих энергий. Наличие захоронений — самый яркий признак появления человека на земле. Перспектива жизни не ограничена смертью! То был первый и решающий шаг, начало Фундаментальной педагогики человечества, и далее вопрошающим взглядом принимали цивилизации с неба пути и идеалы жизни, наполняемой смыслом и вдохновением. «Искусство не знает пределов, и кто же может достичь вершин мастерства!» — восклицал 47 веков назад египетский вельможа Птахотеп.

Много рыб в мировом океане. Но рыбы не основали своей цивилизации. Не воплощался Бог в рыбу, ибо рыбы не создавались в вечные собеседники Ему. Человек же не должен деградировать в рыбу, отказываясь от своего призвания.

Цезуры преобразования на любых временных масштабах возникают в момент стыка прошлого и будущего, когда, находясь в настоящем, человек и человечество готовятся к стремительно приближающемуся будущему, чтобы именно сейчас и здесь принять преобразующее откровение свыше. «Музыка есть откровение, более высокое, чем мудрость и философия», — говорил Бетховен. Следы ветвящегося, как молнии, откровения остаются в тексте, и мы со студентами прослеживаем их. Чайковский, детально описавший процесс своего творчества, называл это состояние повышенной внимательности готовностью. Когда на готовую почву ложится откровение, оно пронизывает всю форму, и ее следы тоже мы анализируем со студентами. «Вдохновение — такая гостья, которая не любит посещать ленивых». И Пушкин подметил главное: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется». Чуткий к откровению слух — вот основание гениальности. Бах это синергичное восходяще-вопрошающее устремление к приятию неотмирной красоты называл

служением. «Последняя цель музыки — служение славе Божией и освежение духа».

Перескочив силой откровения на другой, райский берег нашего бытия, мы, преображенные, оглядываясь на ближайшее прошлое из обновленного настоящего, радуемся окрыленности нового бытия и освеженности духа. «Обновится яко орля юность твоя»: вначале надежда, а следом радость обновления.

Чтобы детальнее проанализировать синергию цезуры, надо прояснить понятие вечности, что особенно важно для неевропейских цивилизаций. Слово вечность там есть, понятия нет.

Однажды, анализируя разные формы явления вечности в барочной и классико-романтической форме, я как-то невзначай спросил иностранную группу: «Вы хотели бы жить вечно»? От двух китайок принесся испуганный ответ: «Не-ет!» Ошавев от неожиданности, я спросил: «А как вы понимаете вечность?» — «Это когда долго и навсегда». Такое понимание, зафиксированное в иероглифах, действительно, страшно. Вечно стоять в очереди, века, тысячелетия. Муки Тантала, бочка Данаид, Сизифов труд... — так представляли греки наказание в аду. В аду нет вечности в европейском смысле слова, там бесконечно, бессмысленно и безнадежно тянущееся клейкое безвременье.

Много тысячелетий назад праиндоевропейцам открылось совершенно иное понимание. Вечность — не бесконечное время. Она не в одной линии со временем, а перпендикуляр к нему. Русское век, нем ewig, лат. aeternum из aeviternum — исходное представление о вечности — это сила, живая и животворящая сила (русское «увечный» первоначально означало «бессильный»). Вечность — сила, которая поднимает время в целом на высоту бытия, и каждую частичку времени пробуждает к бытию.

Эти языковые интуиции бесконечно усилились в религии. Вечность — атрибут Божественного бытия. Человек живет во времени, однако призван к вечности. «Вы боги», — говорит Христос. Не сумасшедшие гордецы, а смиренные боги по благодати, усыновленные, преображенные и обоженные, готовые к общению с Богом, для чего и созданы.

И вот теперь мы можем подробнее рассмотреть, что происходит в момент цезуры, качественного скачка. Находясь в настоящем, душа готовится принять квант будущего.

Будущее там, где лицо, не затылок. Там, где взгляд глаз, куда направляются руки, и ногами мы идем вперед. Даже мозг так устроен: память о смысле и цели находятся в префронтальной области. Лоботомия же превращает человека в управляемое извне животное, не имеющее целей. Потому это так, и особенно у человека, что там лучшие устремления человека. В покаянии, как может показаться, мы переносимся в прошлое, сожалея о своих немощах и грехах. Но нет, не это главное! Главное в покаянии — будущее. Иуда, войдя мыслью в страшный свой поступок предательства, застрял там, в прошлом, окруженном нестерпимо тяжким воспоминанием, — и удавился от нестерпимых мук совести и безнадежности. А если бы покался, полагали святые отцы, то стал бы апостолом Павлом. Апостол Павел говорил о себе: «забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе». Свирепейший гонитель христиан, после обращения называвший себя извергом, почитается он ныне как первоверховный апостол.

Покаяние — по-гречески метанойя, что означает перемену ума на 180°, то есть преобразование. Преобразование достигается действием силы свыше, которая прибывает только после обращения души к ней. Сказано же было еще пророком Иоилем: «И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Иуда не смог призвать и погиб. Чтоб того не случилось с нами, нужно упражняться в покаянии непрестанно, какой бы проступок мы ни свершили. Это обязательная сторона аскетике (буквально, «упражнения» в духовной жизни), а музыка — учебник аскетике, и все законы этой науки претворены в музыкальной форме, например, в явлении репризы. Послушаем Третий этюд ми мажор Шопена в разных исполнениях — и мы убедимся, что судьба исполнения решается именно в цезуре перед репризой. Либо есть это чудо — либо весь смысл вознесения в Царство рушится, если мы не смирились пред дивной силой Небесной. «Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии». Не мы строители дивной репризы. Но мы в покаянии и смирении длительного предыкта предоставляем Богу свободу творить в

нашей душе Царствие свое. И тогда — какие метания, какие бури? Благодарная легкость освобождения благодатным дождем проливается в души слушателей. Мы радуемся гениальности Шопена и исполнителя.

Итак, готовясь принять не пустое будущее на счетной линейке времени, а таящуюся в нем вечность, как душа это делает?

«Духовной жаждою томим» — первейшая сила. Она рождается от понимания того, что пустое настоящее, утекающее в пустое прошлое, ничего не произведет и в будущем. В музыке духовная жажда воспроизводится с помощью интонационного тяготения — прежде всего, гармонического. Первейшее место принадлежит небостремительной доминанте — например, в организации развернутых предыктов. Но и в мелких масштабах она важна. Она обдает нас радостной надеждой в первой, половинной каденции периода. Зависнув на вопрошании Неба, мы ждем ответа в конце. Но не как удав, не холодно ждем, а с доверием. Послушаем, как Горовиц играет каденцию в чудесной ля-мажорной сонате Моцарта: словно ангельская улыбка просияла и осветила всю вторую половину периода в светлой надежде духа, и небесной благодарной легкостью проникаемся мы, когда получаем подтверждающий ответ с Неба. К сожалению, редко кто умеет так радовать слух и сердце.

Прозорливый старец, отшельник Лука (приписанный к монастырю Филофей на Афоне), по вдохновению вышел к делегации Социнцентра, рассказав все о нас, чего мы хотим, и в каких условиях нам придется трудиться. Сказал и слова, врезавшиеся в память: «Когда вы говорите слова любви, то эхо Ваших слов должны слышать на Небе». Вот так слышит небесные тяготения Горовиц.

Как видно из примеров, в цезуре схватывается квант не будущего самого по себе (в количественно-счетном измерении времени), а содержащийся в нем момент вечности, живой дух незримого богообщения красоты и любви. Мы тянемся к вечности, потому что она нас притягивает, притягивает жаждой красоты, откровений, света и нежности преображенного любовью бытия. Нужно обращать внимание на этот важный момент исполнительства.

«Дорогая, зачем Вы живете на свете?» — огорошил студентку профессор Станислав Нейгауз. То было в понятливые 60-70-е годы, студентка все поняла, заплакала, исправилась. Живая цезура возникает на кончике интонационного жеста (мотива, фразы). Жажда несказанного — всегда: это фон высокой жизни. А цезура — живое «здесь и сейчас». Они связаны. В мгновении — вспышка вечного. Бытие есть общение. В цезуре — его квинтэссенция, обнажение доверия-веры-достоверности чаемого в синергии земли и Неба. Глубокое содержание цезуры есть чудо: чудо близости, проживание света и красоты чаемого, как источника бытия, излучения любви. И еще того, что это чудо близости состоялось, состоялась встреча. Принятый в душу квант вечности начинает далее работать, преображая текущее настоящее. В примере с Горовицем: после небесной половинной каденции вся вторая половина периода воспринимается как освещенная солнышком — именно так работает квант вечности, делая настоящее время настоящим, а не мнимым. Повисшее в небе обетование проливается в новое настоящее второго предложения. Таким способом вечность поднимает и время в целом, и каждый момент времени к достождолжному и блаженному.

Обратимся теперь к эксперименту, к новой его трактовке.

Взглянем на одну из мелодий. Большинство мелодий я сконструировал так, чтобы в сумме двух вариантов стрелочек было 50 на 50 (что оправдалось). Эта мелодия отличается. Я ее сочинил, чтобы проверить действие сил экстраполяции, о которой я писал в самой первой моей статье (о вариационном принципе). Движение опорных тонов по хроматизму (es-e-f), по моему предположению, могло бы породить желание продолжить линию (fis-g-as).

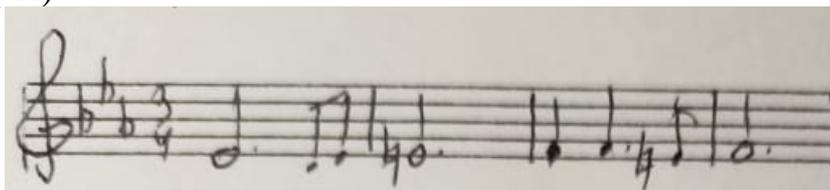
Термин «экстраполяция» я взял из математики, физики, биологии. Конечно же, он неадекватен по отношению к природе музыки, равно как и понятие вероятности. Вероятность — слово из XVIII века, характеризует степень возможности, — это при взгляде со стороны. А то, что определяет результат изнутри, ранее называлось вероятием — приятием будущего и вечного верой. Вероятность — для машин и статистики. Вероятие — для человека. «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми

языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы». «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Синодальный перевод «ожидаемого» неверен. Правильно: чаемого. На церковнославянском: «Есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых».

Несопоставимо по масштабу то, о чем говорит Христос, и мастерство исполнителя в музыке. И все же чудесность приятия верой желаемого будущего во сбывание надежд действует и в скромных пределах музыкальных задач. С чувством чудесной достоверности ощущая предслышимое будущее, талантливый исполнитель передает его и слушателям, которые тоже становятся причастниками таинодействия красоты.

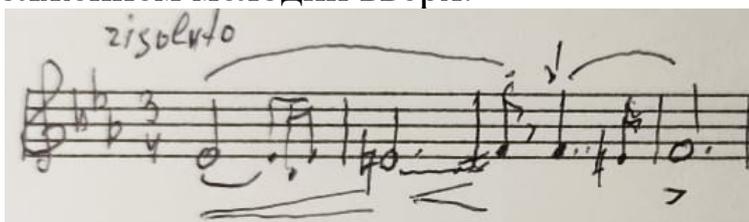
Эксперимент показал, что это так: чаша весов со слушательскими стрелочками уверенно склонялась в сторону того варианта будущего, который им передавал убежденный в том исполнитель. Итак, факт вероятия будущего существует. Вероятие будущего доказательным образом передается слушателям. А теперь можно взглянуть и на соответствующие средства музыкального исполнения.

Чтобы не ограничивать творческую свободу исполнителей, мы не ставили в нотах исполнительских указаний. Вот как выглядела одна из мелодий (до точки бифуркации, то есть цезуры):

Пример 1

И вот как сыграл мелодию С.Лившиц в первом варианте, с продолжением мелодии вверх:

Пример 2

Он создал контекст героического духовного подъема в готовности к подвигу. В третьем такте первое *фа* взято с отскоком, потом пауза, затем свободный бросок руки на второе *фа*. Почему? Чем мотивировано? Мотивировано вдохновением, вдохновение отвечает на упование, а от упования и свобода свыше. На церковном языке это дерзновение (надежда не на себя, а на силу свыше). Дерзай, дочь, — говорит Христос. Пушкинское «есть упоение в бою» — тоже об этом. Русская удаль, слово, которое не переводится на другие языки: веселое бесстрашие перед лицом смерти. В нотном примере этот жест духовной отваги я обозначил восклицательным знаком (сфорцандо или акцент — не совсем то).

В моей теории живого метра действует не одна энергия в градациях силы-слабости, но синергия двух разных по характеру, но взаимодействующих энергий: нашей, опорной, и подхватывающей нас с тем большей увлеченностью, чем ближе к следующей опорной доле. Синергия и делает метр живым, дышащим, расправляет душу в полете. Например, фигура вальсового аккомпанемента: бас-аккорд-аккорд — строится по логике молитвы, начинаем по нашей инициативе, но далее душа вздымается подхватами благодати. 700 тактов Вальса-Фантазии Глинки — 700 молитв, — и сердце свободно, освободилось от зажатости, и дышится тоже с легкостью. А есть ведь еще и сверхтактовый метр, и в нем тоже духовный кислород...

В данном случае, акцент на второй доле третьего такта, ни коей мере не подвергает сомнению опорность первой доли. Она, как некий космологический закон, не подлежит отмене. Бросок руки, попадая на энергетическое место подхвата, наполняется свободой полетного дерзновения в отваге.

Дерзновение усилия на втором звуке *фа* нужно додержать до самого конца — чтобы ожидаемый далее звук не мог не появиться в реальности «здесь и сейчас». Педагоги-исполнители часто указывают ученику на необходимость додержать, дослушать... Что дослушать? — мертвую счетную линейку времени-хроноса? Нет, время-кайрос: живое время блаженного шанса. Упустишь — потеряешь, не вернешь. В сердцевине этого живого времени и лежит предслышание. Зримое осуществление вероятия — есть чудо, восхищающее слушателей.

Лейбниц называл музыку упражнением души в счете (при том, что душа сама не замечает процесса счета). Возможно, так. Но над этой элементарностью стоит нечто несравнимо более важное. Музыка есть упражнение души в вероятии чаемого будущего. Вера вместе с доверием и достоверностью упования — самая глубинная струна души и неотменимая сердцевина жизни. Иначе мертва душа, деградирует к состоянию души животной.

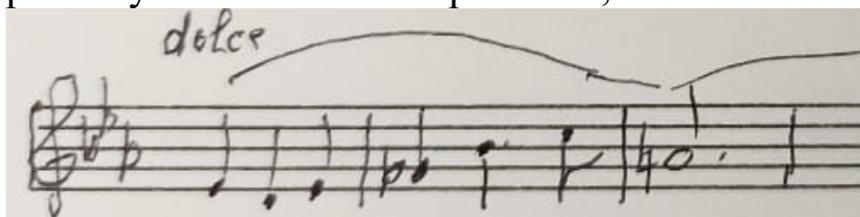
Второй вариант исполнения — более мягкий, нежно-созерцательный, с интонацией надежды. Соответствует заповеди «Просите — и вам дадут». Диминуэндо к цезуре (точке бифуркации) выполнено с деликатностью, как бы в манере Горовица. Дело, конечно, не в физике затухающего звучания, а в той духовной причине, которая скрывается там. Чем тише — тем ближе к Небу. В сокровенной тишине душа нежно зацепляется за Небо, и уже не сама, не своей собственной, но благодатной силой возносится ввысь.

И если в первом варианте второй звук фа, наполнен энергией удали, то во втором варианте, взятый мягче, словно бы доверительно передает силу свою в руки Божии.

Великий чудотворец, святой Иоанн Кронштадтский писал, что есть в молитве такой момент, когда точно знаешь: прошение услышано и сбудется с неременностью. Этого высшего извещения достигает и пианист.

Опять же, нужно обязательно дослушать эту доверительную близость до самого конца. Диминуэндо к последнему звуку, особенно взятому способом *al niente* («до ничего») — красивейший в музыкальном исполнении. Его смысл — взыскующая доверительная надежда, на которую не может не откликнуться милость Божия. «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною». Вот и здесь, взыскующее вслушивание в тишину, в надежде услышать деликатнейшее стучание Бога в двери души, которая открывается изнутри, приносит плод: радуя нас близостью Бога, плавно и нежно появляется фраза из будущего, наполненная благодатной легкостью. Начинаясь уступчиво, как бы снисходя к смирению души, новая фраза далее возносит ее к

замиранию на побочной доминанте... Приведем ее, сыгранную, но отрезанную в самом эксперименте, и тем не менее :

Пример 3

И это тоже чудо: невидимая энергия благодати стала видимой.

Энергично-синергичная семиотика музыки многослойна. Начинали мы с Евгением Владимировичем с проверки ладовых тяготений и интонационных устремлений. Это только нижний уровень. Он не ликвидируется, но уступает место более глубинным силам. наших стремлений мало. Мы тянемся к высшей красоте, потому что она нас притягивают, потому что она — наше призвание. В последней же глубине, как бы на квантовом уровне, мы приходим к тем общим основаниям жизни, которые связаны с отношениями души к последней цели бытия, к тому, что приходит к нам из лучшего будущего.

Исходя из этого, самого высокого (пророческого и предвосхищающего) уровня синергичной организации музыки, проведенному большому эксперименту можно было бы дать и такое название: «Вероятие будущего в музыкальном исполнении». Без чаяния высоты чахнет народная жизнь.

В том, что стрелочки вверх или вниз, определяя общий характер содержащихся в них энергий, не всегда указывают на какие-то конкретные ноты будущего, есть свой поучающий смысл: не стоит давить на Бога. Как Он дает нам свободу — так и нам иногда хорошо своим доверием предоставить Ему свободу. Дело в том, что мы видим один благоприятный выход из жизненного затруднения и квохчем над ним, как курица над снесенным яйцом. А у Бога этим выходам — несть числа. Все, наверное, замечали, как даже безвыходная ситуация разрешается сама собой неожиданным образом. Не сама собой! То действие Промысла. Давление на Бога порой приносит уныние, а доверие дает легкость бытию.

В том можно убедиться и в музыке. Проведем мысленный эксперимент. В главной партии Скрипичного концерта

Бетховена после простодушной доверчивой несовершенной каденции в конце восьмитакта — как продолжить мысль? Будем сочинять тысячи возможных вариантов — все не то! Но и миллионы вариантов не дадут столь сладостной, но притом мотивированной неожиданности.

Откуда же взялась эта необыкновенная нотка? Бетховен ответил на этот вопрос: «Каждая нота моего Скрипичного концерта продиктована Всевышним». А еще вспомним известное его высказывание: «Музыка есть откровение, более высокое, чем мудрость и философия». Нотки же — следы этого откровения.

Откровение — не транс. Оно — ответ на высоту доверительно отлетевшей к Богу молитвы. Чуть грубее исполнить каденцию — и несказанное очарование неожиданной нотки снижается. Музыка как бы окостеневает.

Ре-диез, никак не гармонизуемый. Не ми бемоль! Здесь нет орфографической ошибки, хотя мелодия и не движется дальше вверх. Бетховенский слух безупречен. В необыкновенной нотке — ободрение света, повышение бытия, духовная его альтерация.

А мотивированность... На странную неотмирную нотку намекал таинственный вступительный такт литавр в тихой звучности. Хорал духовых — не первая энергия, в вторая: ответ на Зов. Начнем музыку прямо с хорала — не то. Бытие есть общение и синергия. Об этом нужно помнить все время. Литавры напоминают.

Их мерные удары становятся мистическим лейтмотивом. Литавры — не голос земли, не голос сердца. Голос Неба. А скрипки на том же ритмическом лейтмотиве откликаются на тайное ободрение человеческой жизни.

Глиссандо вероятия

Глиссандо с итальянского — «скользя». Имеется в виду способ не-дискретного извлечения звуков, который, например, на скрипке, исполняется не переступанием пальцев левой руки на струне, а скольжением по струне одного пальца.

Платон, гений человечества, писал о «пределе в беспредельности», понимая под последней континуальность, линию бесконечно мелких изменений звуковой высоты. В

объеме кварты можно взять четыре отдельных ступени. Это, в терминологии Платона, предел. Но эти ступени, по Платону, — не музыка. С другой стороны, если мы соединим крайние ступени глиссандо, потоком бесконечно малых изменений, — это тоже не музыка. Просто волчий вой. Музыка же возникает при условии таинственного единства континуальности (непрерывности) и дискретности (прерывности). В терминах Платона — это и есть предел в беспредельности.

И дальше мысль гения совершает головокружительный взлет в непредставимое. «Почему так устроена музыка? Потому что так устроено все. Так устроена мировая душа».

О, так устроено и слово человеческое. От избытка сердца глаголют уста. А слово без духа, воплощенного в интонации, — то же, что разлагающийся труп, который покинула душа.

А то Слово, Которое «было в начале у Бога и было Бог»? И оно неотрывно от творящего Святого Духа Жизни, Премудрости, Любви, неизреченной Красоты. Оно создало материю как возможность, дабы та могла повиноваться духу. Создало и тело человеческое, чтобы оно служило орудием его деятельности на земле ради любви к Богу и людям, чтобы оно было пером скорописца-духа. Душу же создал Бог как светелку, чтобы ждала душа Создателя своего и беседовала с Ним и жила восторженно в Его Царствии. «Се бо Царствие Божие внутри вас есть». И время создал Бог, чтобы могла трудиться душа в исполнении заповедей ради богоуподобления, ибо без возрастания в богоподобии не может Бог жить в нас и мы в вечности Царствия.

В музыке континуальность сплетается с дискретностью во всех ее сторонах. Например мотивы, фразы — как бы слова музыки, а мелизмы (украшения), виртуозные пассажи, фиоритуры, фигуры аккомпанемента — это Дух. Мелкие нотки, которыми записываются мелизмы, — символ легкой полетности духа в них.

Как проявляется вероятие будущего в континуальности интонационного развития?

Педагоги часто просят ученика: веди, веди мелодию, чтобы была линия. Что именно ведет мелодию?

В предыдущем разделе статьи мы рассмотрели цезуры, заметные точки в течении музыкального времени, в которых

особые сгустки вероятия. Они возникают на кончике жестов. В приведенной выше мелодии эксперимента цезуры имеются на стыке 2-3 и 4-5 тактов. Пятого такта не было в записи, но именно к нему, ожидаемому (а в двух вариантах продолжения — и разным образом), тянулся сердечный слух, что фиксировалось и измерялось количеством стрелочек вверх и вниз.

Но тот же механизм вероятия действует и в континуальности.

Вот мы играем медленную часть скрипичного концерта Чайковского. Четыре одинаковых начала. Без внутренней жизни вероятия — не раскрыть божественную красоту музыки. Основой жизни мелодии является здесь томление по чуду, жажда несказанного. Каждая начальная фраза застывает на псалмодии квинты лада. Псалмодия — церковное жанровое начало, полное молитвой. А в молитве душа тянется ввысь, потому что вышина притягивает ее. Это и есть синергия, союз нашего устремления и подхватывающей энергии свыше. Если нет в душе синергизма земли и Неба, — никакие развлекашки не исправят положения. В заключении псалмодии — трель и мелизм, как трепет души и экстаз бытия.

А в Баркароле из «Времен года» — 12 подобных начал. Молиться и ничего не получить — так быть не может! Уныние неотчетливости Неба недопустимо. Потому неизбежна кода — спускающиеся с Неба гроздя благодати, Но «извлечение» благодати из будущего в настоящем времени 12 начал нужно явить в исполнении. Без духовной жажды дары не навязываются.

А вот из детского репертуара: Старинная французская песенка Чайковского. В том же соль миноре с тем же зависанием не небостремительной квинте. О, как тягостно слушать мертвую игру! Слух вянет, на душе тускло, хочется вытащить обратно из ушей эти звуки и отбросить подальше.

Однажды моя супруга в качестве участника жюри городского заочного конкурса детских музыкальных школ прослушивала дома записи множества ученических выступлений. И я невольно тоже. Ее и мой слух страдали, когда музыка превращалась в стукотню. Увы, подавляющее число

записей были абсолютно безжизненными, словно бы мы попали в морг. Какое бедствие в масштабах города и страны!

И я думал: как научить учеников звуковой линии? Проблема, по сути, метафизическая, корнями уходит в то, что я назвал «глиссандо вероятия». Как же научить тому, чему через физику звучания научить невозможно? Нужно подвести ученика к слышанию неслышимого, к духу красоты, который и дальше поведет ученика к себе, возвышая его слух. Если бытие есть общение, то музыка — квинтэссенция красоты синергии.

Понятие вероятия высшего будущего и вечного в звучании настоящего, которое мы анализировали в статье, — это лишь набросок теории исполнительства в ее глубинных основаниях. А еще нужна еще и разработанная методика, чтобы с ее помощью подвести слух ученика, а часто и учителя к слышанию за-звуковых энергий красоты.

Я не методист. Не представляю, в каких простейших словах можно рассказать детям о том, о чем в прошлые века они узнавали сами из своей духовной жизни?

Может быть, обратиться к языковому опыту? Попросим рядового школьника произнесет первые две строки стихотворение Фета:

Я пришел к тебе с приветом,
 Рассказать, что солнце встало,
 Что оно горячим светом
 По листам затрепетало;
 Рассказать, что лес проснулся,
 Весь проснулся, веткой каждой,
 Каждой птицей встрепенулся
 И весенней полон жаждой;
 Рассказать, что с той же страстью,
 Как вчера, пришел я снова,
 Что душа всё так же счастью
 И тебе служить готова;
 Рассказать, что отовсюду
 На меня весельем веет,
 Что не знаю сам, что буду
 Петь, — но только песня зреет.

Думаю, после чтения двух строк рядовым школьником захочется сказать: «Эка невидаль. Оно каждый день встает!» Но в стихотворении не так: две строки устремляются к концу фразы как к чуду. Надо пережить это живое вероятие чуда. Тогда появятся живящие энергии и в чтении.

Все стихотворение изумительно строится на мощных и неожиданно возрастающих тяготениях, вдохновенных подхватах и доразвитий мысли. И в конце понимаем, о чем шедевр: о величайшей тайне человека. Человек — это его песня, уникальная нотка в мироздании! Народы, цивилизации тоже ведутся своей особой мелодией призвания. И человечество, вся фундаментальная педагогика его воспитания к свету — полифоническая вязь голосов в гармонизации этапов его истории.

Однажды Рахманинову захотелось создать нечто необыкновенно прекрасное. И тогда явилась его душе знаменитая и пророческая Прелюдия *cis moll*.

Жажда бескрайней красоты бытия — основа Фундаментальной педагогики человечества. В красоте — чудо преображаемого бытия, время, овеянное вечностью, просвет духовного неба, глоток небесного кислорода. В ней тайна истории, каждого мгновения. Музыка и красота — это то, что вырывает нас из серости бытия. Вне бессмертия человек — обезьяна.

Поняли бы шестидесятники нашу мысль о вероятии лучшего будущего в цезурах и глиссандо бытия? Мне кажется, понял бы академик Игорь Тамм, воспитатель шестидесятников, лауреат Нобелевской премии, исследователь в области квантовой механики, один из разработчиков советской водородной бомбы, участник Пагуошского движения учёных за разоружение. Он советовал своему аспиранту изучать русских религиозных философов ради новых научных прорывов. Какие прорывы могут быть без вероятия откровений свыше?

О перспективах

— Есть ли они? Не загнали ли мы себя в конец истории? Разве Новейшее время — не апокалиптическое? Ненависть ко Христу в глобальном масштабе — явный признак того. Вот уже полвека буйствует в мире и первый зверь, «из моря», — кровавый и развратный либерализм, круша страну за страной. Уж приблизился глобальный передел сфер геополитического влияния и финансового управления, народы готовы услышать 18 главу книги Откровения (Апокалипсиса, по-гречески): «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши её». Грядет уже и второй зверь «из земли» с системой социального рейтинга и жизни по баллам, потом антихрист с печатями-чипами, без которых нельзя будет ничего ни продавать, ни покупать... Говорить в этой ситуации о какой-то фундаментальной педагогике человечества есть пустое мечтательство.

— О нет, уныние — смертный грех. Апокалиптическое время великое. Для кого, как не для нас, дано в книге Откровения несомненное обетование: врата ада не одолеют Церковь! Не одолеют! И зачем явлен столь прекрасный образ Церкви: Жены, облеченной в солнце?

Издали казавшееся крохотным, апокалиптическое время вблизи оказывается обширным. Кто мог зарыть себя в землянке на сто лет в годы яростного христорборчества? Наши замечательные отцы и деды нашли иной, реалистичный выход: духом могучей русской культуры они изнутри преодолевали тяжкие оковы дьявольской идеологии. Посвящая конференцию чуду русского шестидесятничества, мы тем самым воздаем долг подвигу наших отцов, исполняем мечту Николая Федорова о «воскрешении отцов». Максима нашей фундаментальной педагогике человечества: «понять — значит продолжить». Это трудно. Как продолжить, например, творческий путь Е.В. Назайкинского, распространив его понятие «жизненного опыта» на сферу духа? У меня только сейчас появляется мысль написать работу «Музыкальная форма как учебник аскетике», и

последняя идея этого эссе (о вероятности будущего) — маленький шаг в этом направлении.

Итак, надо ли нам ждать антихриста с печатями — или второго пришествия Христа во славе? Каждый обретет свое.

Христос открыл миру последнюю цель Творения, Царствие Божие, даровав и силы к его стяжанию. Наступила на Земле эра благодати. Тысячелетие Средневековья посвятило себя богословскому осмыслению и художественному освоению храмовой сердцевины бытия. Новое время поднялось восторгом духовного освоения внехрамовых сфер культуры. На этом пути христианская цивилизация становилась центром жизни мира. Если в истории возможен Бах, Моцарт, Рахманинов, — значит, возможно всё, и Царствие Божие — впереди.

Но наметилась шизофрения в отношениях храмовой и внехрамовой сторон единой жизни Церкви. В 1830 году Христос открыл Серафиму Саровскому условие спасения человечества: доброе единение двух ветвей культуры.

Остережение не было услышано. И вот мы уже больше века живем в апокалиптическом времени. Но опять же, если в нем возможна кода Третьего фортепианного концерта Прокофьева, то, несомненно, сбудутся все обетования Христа. А было и невообразимое: святой лауреат Сталинской премии, ссыльный, хирург от Бога, доктор медицинских наук, доктор богословия, архиепископ Симферопольский и Крымский, святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Сколько было молитвенников за русскую землю — и представить невозможно. Старцы действовали и через советы заметным людям светской культуры. Генрих Батищев, известный философ, в крещении Иоанн. Мне, нетерпеливому, его иносказательные и обтекаемые слова о Другом во второй половине 80-х годов казались недостаточными. Но он, терпеливый, оказался прав. Он был окружен преданными учениками. Некоторые из них сейчас Владыки. И действовал он не от себя. Его духовный отец, прозорливый старец Иоанн Крестьянкин, благословил оставаться в партии, воспитывать учеников. Вскоре инициативная группа 80-х в 1990 году получила юридическое лицо: образован Социнцентр (Социально-инновационный центр). Старец дал нам совет: основывать работу на четырех столпах: Церковь, Семья, Школа, Государство, — и они должны

быть равновелики, без перекосов. Мы старались находить такие дела, которые давали бы толчок развитию страны. В Совете Федерации мы провели международную конференцию по Ивану Ильину. Это было непросто! — потому что гений в нашей стране считался фашистом. Но когда влиятельные наши ученые познакомились с его творчеством, то изменили мнение. Честь русского гения была восстановлена. Его прах перевезен в Россию, нашел упокоение на кладбище Донского монастыря. Началось бурное издание его трудов стараниями члена Социнцентра Ю.Т.Лисицы, доктора математических наук. Возраставшее давление заморского либерализма остановило грандиозный проект. К особому сожалению музыкантов, не издана обширнейшая, примерно на три тома, переписка двух гениев — Ильина и Метнера.

А вот и совсем странный факт. Мы провели еще одну конференцию в Совете Федерации. По ее материалам издана книга «Единители поколений»⁴. Она, государство-строительная по содержанию, распределена по значимым руководящим центрам страны. И в этой книге самое заметное место обрели Послания старцев Святой Горы Афон по поводу начинаний Социнцентра. Немыслимый контраст стиля и духа! Оказывается, о государственных делах можно писать и так! Значит, и святость может сказать свое слово в определении судеб державы. Так в условиях перестройки и последующих лет восстановления страны после катастрофы мы старались дорабатывать недоработанные связи шестидесятников с духовной сердцевиной жизни державы, стремительно слабевшей из-за предательства элит.

К настоящему времени Четыре столпа Иоанна Крестьянкина почти раздавлены либерализмом. Сколько оккультистов развелось! Но разве случайно, что наша страна, едва приступив к возрождению, первой в мире осмелилась явным образом откреститься от замыслов либералистического глобализма и во всеуслышание возвестила о скором падении этой очередной Вавилонской башни? Зачем же дана нам чудесная история нашей победительной цивилизации? Печать

⁴ Единители поколений. Социально-культурное творчество России: наследие и современность: Сборник материалов по реализации проекта «Единители поколений». Составители: М.Г. Розинский, Г.У. Лукина (Аминова). – М.: Социнцентр, 2015. – 192 с., илл.

Саудовской Аравии с крайним удивлением отметила способность России воскресать из пепла птицей Фениксом, — со стороны увидели то, что мы сами не хотим видеть, и ноем. О коренной способности нашей цивилизации воскресать из пепла не утомлялся писать наш пламенный И. Ильин. Его творение «О России. Три речи» — образец возвышеннейшего литературного слога, катехизис великой цивилизации, — как может не лежать на каждой школьной парте, не читаться в семье, не пребывать на столе каждого русского человека (помня о том, что русский — не кровь, а дух надежды всей Земли, покров многих народов)! Где министерство просвещения? Кто попусту занимает там кресла? Позор для русского — не знать вершин отечественной духовно-политической мысли.

«Читайте же, маловерные, скрижали нашего прошлого; читайте и умудряйтесь; но стойте и боритесь до конца; и не ропщите в ожидании грядущего. Не меняет народ в пятнадцать лет смуты своего тысячелетнего уклада. Не избыть, не исчерпать коммунистам русской силы»... «И уже, смотрите, — в годину величайшей соблазненности и величайшего крушения — уже началось и совершается *незримое возрождение в зримом умирании*. Да славится в нас Воскресение Христово».

68 лет прошло после смерти Ильина (1954). В мельчайших деталях, подобно очевидцу, а вместе с тем и мастерскими широкими мазками описал он наперед мерзости «перестройки».⁵ Через головы многих поколений он обращается к нам, сегодняшним. Мы удивляемся столь далеко простертой за горизонты истории его мысли. Достоверностью уже сбывшегося мы подтверждаем правоту его провидений.

Да, как в далекие эпохи, так и сейчас, в апокалиптические времена, русская жизнь полнится чудесами, которые принимаются вероятиями чувствительных к ним людей!

⁵ В статьях «Что сулит миру расчленение России»